

**ВЕХИ ЖИЗНИ И СТАНОВЛЕНИЯ
ТВОРЧЕСТВА НАРОДНОГО
ХУДОЖНИКА-АКАДЕМИКА
Э. М. ЮРЬЕВА**

25 марта 1936 года в небольшом селе Исаково (Кёсён Шетмё) Красноармейского района Чувашской АССР в ветхом пришкольном домике (до больницы далеко, да и больно слякотное время) у директора семилетки Юрьева Михаила Ивановича и его молоденькой жены Елены Ивановны родился их второй сын — Элли (старший, двухлетний Сенти, уже топал самостоятельно). Однажды, взрослым уже, он спросил у отца, что значит имя «Элли», когда вокруг все Васи, Пети, Коли. Михаил Иванович, набив и раскурив очередную трубку, ответил: — Это имя от древнего чувашского «Елес» — то бишь, «ёсчен аста» (мастер, мастеровой). В годы рождения первенцев Михаил Иванович чуть не прославился как поэт (по крайней мере выпустил несколько поэтических книжек), потом, однако, превратился в журналиста, одного из основоположников чу-

вашской молодежной печати. Сейчас уже не осталось ветеранов, которые бы подтвердили, что одним из тех, кто открыл журчащие голоса газет «Пионер сасси» (ныне «Тантăш»), «Самрăк большевик» (ныне «Молодежный курьер»), журнала «Хатёр пул» (ныне «Силсунат») был и М. И. Юрьев.

Предвоенные годы жизни в Чебоксарах Элли не помнит — мал был. Но есть окно в одном из домов на улице К. Маркса г. Чебоксар, которое кажется ему родным.

Ощущение жизни и познание окружающего мира связаны больше с другой географической точкой — деревней Сириклях, расположенной в полутора километрах от Исаково, вверх по той же речке Кёсён Шетмё (которая в Сириклях почему-то называлась просто «Сырма» (овраг)). Это была родная деревня отца. Дед, Иван Данилович Данилов, заставил старшего сына Михаила купить — на всякий случай — неподалеку от себя, через три дома, на той же улице, добротный и просторный дом (по понятиям того времени) с хорошими надворными постройками. Ивана Даниловича сейчас можно понять: тогда понятие номенклатуры было иным, чем в более поздние времена. И выбрасывали с должности запросто, и арестовывали запросто. Так что, это скорее был запасной вариант для внуков. Семья Юрьевых: мама, (папа на войне с июля 1941 года), Сенти, Элли, Луиза, Хаджи, корова Нема и собака Бомба пережили войну в Сириклях в доме, купленном накануне войны.

Дед был уважаемым человеком в Сириклях: в колхозе имени Кирова его до глубоких седин выбирали председателем ревизионной комиссии. Ровный и спокойный, никогда не курил, по праздникам пил только пиво и весьма в малом количестве.

Этот дед запомнился Элли особенно тем, что у него было одно железное правило: по субботам натопить баню и перемыть сначала внуков, всех соседей (баня была одна на всю улицу и только у него) и уж только потом по-

мыться самому. В этом ритуале была одна примечательная черта — в банный день, предчувствуя горячую порку веником в душевной бане с невыносимо горячим воздухом, старшие внуки Сенти и Элли были готовы улететь на край света, но чаще прятались у соседей, в поле, на пруду, на колхозной конюшне в другом конце деревни, но Иван Данилович не упустил ни одной субботы, чтобы не довести маленьких мальчиков до красного состояния от ушей до пяток. Когда же ему по какой-либо причине это не удавалось, экзекуция поручалась его младшему сыну, дяде Васе. Вот уж он то неистовствовал: получал наслаждение от криков племяшей.

Дед, ровесник «отца народов», пережил его на десяток лет, умер и похоронен в Ленинграде, куда его увез дядя Вася — сверхсрочник.

Тут надо, пока не перешли к другому деду, Ивану Кузьмичу Амурину, рассказать притчу, объясняющую, почему сын Данилова Ивана Даниловича стал Юрьевым Михаилом Ивановичем. (Вспомним, что с царских времен и вплоть до послевоенных новорожденному давали фамилию по имени отца: Иван дал сына — так сын Иванов, от Кузьмы — Кузьмин. Так и должен был быть Элли, по этой традиции, Михайловым. Но...)

Случилось это в начале 20-х годов. В Сириклях, по совпадению, оказалось два Даниловых, два Ивана, два Даниловича. Ровесники. Да и жили, на беду, в 300-х метрах один от другого. Один, естественно, дед Элли: порядочный и пр. А другой был известен в деревне как конокрад: он был пойман с поличным в одной из ближайших деревень. Но уже была Советская власть, самосуд был отменен и весомый булыжник, предназначенный быть брошенным в промежность конокрада, отбросили в сторону и... отпустили перепугавшегося до смерти любителя конины, с угрозами, что его накажет Советская власть. Прошло несколько дней. В Сириклях явился милиционер верхом на коне, схватил деда Элли, привязал его руки крепкими веревками к луке седла и под вой супруги, сыновей и недо-

уменными взглядами соседей и всей деревни (не каждый день такое случается!) поволок в Траки (ныне село Красноармейское).

Что пережил Иван Данилович в траковской кутузке — неизвестно. Но следствие через месяц установило (не без помощи Сириклинских ходяков и тех, из чьей деревни собирался похитить коня другой Иван Данилович), что дед Элли здесь ни при чем.

Первое слово, сказанное перестрадавшим и посеревшим за месяц отсидки в катажке Иван Данилович старшему сыну, было: «Михала, хушаматна улаштар!» (Михаил, смени себе фамилию!). Миша учился в 4—5 классе. Читал не только учебники (а, может, только учебники?.. но уже изучали поэзию Лермонтова...). Какое совпадение с великим поэтом! Тезка! И отчество какое замечательное!

Вот так и стал Иванов Михаил Иванович Юрьевым Михаилом Ивановичем.

Ну и, самое последнее до расставания с дедушкой Даниловым. Элли помнит всю жизнь его одно нравоучение: «Ачасем, ял кули ан пулър! Хавара йёркеллэ тытма пёлёр!» (дети мои, не будьте посмешищем деревни! Учитесь вести себя по-людски!). Теперь о бабушке Ульяне. Ульяну никто из младших Юрьевых не видел, но о ней много слышали от ее престарелых подруг. Бабушка Ульяна была ну! самая красивая женщина, вышедшая замуж в Сириклях, певунья и изумительная вышивальщица. (Умерла, родив четырех сыновей). Элли помнит, как ходил в деревне в вышитых рубашках (сохранились фотографии детских лет) с изумительно тонкими узорами по вороту, по рукавам, по подолу. Может, они остались... достались от другой бабушки... тоже Ульяны. И вообще, странное совпадение: оба деда — Иваны, обе бабушки — Ульяны. Обе Ульяны красавицы, обе — певуни, обе — вышивальщицы на зависть округе. Ульяну пшонгинскую помнят только старшие внуки — она умерла в 1943 году. Сенти было тогда уже 9 с лишним лет, Элли — больше 7. Встречала, когда

они, преодолев неблизкий путь (а, как же, 6—7 километров для 7—9-летних мужичков, да пешком, да по проселочной пыльной дороге, да через две чужие деревни, да по малознакомым тропинкам — ведь не каждый день ходили...), являлись к бабушке, она начала хлопотать, будто встречала очень знатных гостей.

А деда Ивана Кузьмича обычно заставляли дома редко (дела да дела!), но внуки его знали и любили, потому что он, случись оказия каким-то образом мимо Сирикля, не проезжал. Запомнился он многим Юрьевым и Амуриным, кроме самых младших, как величественный старик с белой окладистой бородой, такой непохожий на сириклинских стариков своим высоким ростом, осанкой, степенностью. Потомки находят его очень похожим на русского писателя Ивана Тургенева. Сходство ликов — изумительное. Это долго удивляло Элли — художника. Но загадка разрешилась неожиданно. Однажды, в середине 80-х годов, Елена Ивановна, мать Элли, уже безнадежно больная, позвала его подсесть поближе и на ухо стала давать наказ:

— Ты ведь часто бываешь в Сириклях, в Пшонги, в Красноармейском?..

— Да, мама.

— Вот, когда ты будешь в Сириклях, не поленись, заедь в Шупоси и Вурманкасы.

— Что я там должен делать?

— Поищи род Пика.

— А это зачем, кто они такие?..

— А затем, что твой дед Иван Кузьмич был усыновлен Кузьмой, жителем Пшонги из рода Пика, которые держали постоянный двор в Вурманкасах. А через Вурманкасы проходила «Хурәнлă сул» (знаменитая «Владимирка»). Твоего деда, новорожденного, грудным ребенком оставили каторжники. Сколькимесячным он был, когда его усыновили — никто не знает. Документов, пока он был жив, никто и не пытался искать. Поищи ты. Он был не чуваш, хотя посредственно говорил по-русски, а на чувашском — мог обольстить любую красавицу. Это мы сами видели, когда стали взрослы-

ми, замужними. Он же неспроста женился во второй раз в 75 лет. Кровь в нем кипела не чувашская...

* * *

Счастливый брак Михаила Юрьева и Евдокии Юрьевой (Евдокия?). Все Юрьевы от первенца Сенти и до самой младшей Индиры знали, что их маму зовут «Амёш!» (мать!), Елена, Елька, и вот, когда наступил ее пенсионный возраст и она поехала в Красноармейский район за пенсионными документами, выяснилось, что она во всех документах числится Евдокией. Для всех подружек, для всех соседей, для всей родни — Елька, Елена, Елена Ивановна — и на тебе — Евдокия Ивановна! Михаил Иванович после этого долгие годы шутя к ней обращался не так, как привыкли дети «Амёш!», а «Евдокия!», продолжалось это до 1980 года, до смерти Михаила Ивановича.

10 октября (день рождения Михаила Ивановича) 1993 года вошла в землю мать-героиня Елена Ивановна Юрьева.

* * *

Однако пойдем за первым предложением нашего повествования. О чем там речь? «Родился Элли».

В 1946 году Элли, к тому времени он закончил два класса сириклинской начальной школы, 1 сентября сел за парту в школе № 6 чебоксарской чувашской школы. Теперь в этом здании находится школа № 1 города Чебоксары, расположена она напротив Дома Мод. Отец демобилизовался из Советской Армии только через год после окончания войны (находился в резерве Главного Командования, вербовался в слушатели военной академии) и был возвращен в Чебоксары на журналистскую работу. Семья переехала в Чебоксары. Были ужасные послевоенные годы. Что особо запомнилось, в школе учились дети чувашей-горожан, они сносно владели русским языком, поз-

тому могли за себя постоять. В деревне не было и радио. Очень угнетало незнание русского языка и чтобы как-то доставить душе отраду, Элли с братом Сенти по воскресеньям шли на «Зеленый базар», где чувашская речь звучала за каждым прилавком. Постоянно вспоминались Сирикли, его пруды, его поля, его лесоподобный облик, зеленые ковры улиц и его тишина. А тут, в городе — асфальт, шум транспорта, гудок и грязь электроаппаратного завода, школа, бог знает на что похожая (особенно во время перемен)...

Сам он не заметил, как освоил русский язык: теперь он был «своим» среди «своих пацанов».

Учился уже посредственно (в Сириклях был одним из лучших), видимо, сказались перемена коллектива, обстановки и учительницы. Гонял футбол. Но стало закрепляться еще дошкольное увлечение рисованием (срисовывал из газет портрет Сталина, чем немало удивлял соседей...), все школьные годы был членом редколлегии в качестве художника. А этому увлечению положили начало несколько цветных альбомов акварелей отца. Мать их очень берегла и показывала только по праздникам. А первокласснику (Элли пошел в школу в 1944 году) казался чудом рисунок, раскрашенный рукой первой учительницы Марии Спиридоновны.

В более старших классах рисование стало настолько всепоглощающим, что однажды мать наказала юного художника — отобрала краски за «забывчивость» выполнять ее поручения по домашнему хозяйству.

Отец внимательно следил за увлечением сына и однажды показал его рисунки известному тогда художнику книги Герасиму Харламову. Была ли оказана протекция — неизвестно, но с 1948 по 1951 год Элли — учащийся 1-й детской художественной школы г. Чебоксары. Поступление в Чебоксарское художественное училище было уже явлением закономерным. Однако в училище он продержался только до 1952 года. Так и не сдав экзамены за 1 курс, сбежал в свою родную

школу № 6. Долго, почти 2 месяца учебного года, не хотели принимать назад, в 8-й класс (прежде всего учителя вспоминали некоторые «выходки» бывшего семиклассника). Все таки, видно, сработали связи отца: восстановили, и в 1952/1953 учебном году Элли учился как никогда прилежно.

Но тут пришло другое увлечение...

С наступлением весны просыпался рано под рокот двигателей знаменитых самолетов По-2 и Ут-2 (тогда аэроклуб прекращал полеты во время весенней распутицы и осенних отпусков летного состава). Записался в кружок парашютистов при пединституте (нашел же!). Всю зиму прилежно изучал устройство парашюта, правила его безотказной укладки, правила производства прыжков. В один из майских дней 1953 года (а в этот день в школе, слава Богу, не было экзаменов) выполнял команду «Пошел!», шагнул с крыла По-2 в невесомость. Необыкновенное ощущение! Помнит до сих пор! Второй прыжок для всех парашютистов мира — испытательный. Преодолеешь страх новых ощущений — станешь парашютистом! Преодолеет. 3-й прыжок — с азартом! Дальше — совсем запросто. Перед седьмым прыжком дрожали и руки, и колени — в аэроклубе чуть не случилось ЧП: выполняя второй прыжок, курсант со страха раскрыл запасный парашют прямо на крыле, купол, естественно, сразу кинуло на руль управления, самого курсанта стащило с крыла и он, вися на стропах, поволокся за самолетом. Только мастерство Павла Григорьевича, пилота помогло спасти самолет и курсанта. Элли уже не боялся высоты, падения, динамических ударов во время раскрытия купола и при приземлении, а — «как бы и со мной этого не случилось». Преодолеет. Дальше началась глубокая любовь к небу. Записался в планерную секцию. Первым вылетел самостоятельно. Рано утром — полеты. Уроки... Экзамены... Вечером прыжки с парашютом. Прыжки и полеты...

Как-то приехал в Чебоксары корреспондент Центральной газеты ДОСААФ: «У вас есть спортсмен, о котором мо-

жно написать в газете «Советский патриот»? Есть, говорят, в шестой школе учится. Пришел корреспондент к директору, Элли вызвали в учительскую.

Кругом сидят учителя и вопрошающе глядят.

Элли: «Я действительно в последнее время плохо учусь, потому что меня это воздушное пространство интересует больше, чем что-нибудь».

Конечно, о девятикласснике спортсмене-парашютисте 1 разряда, спортсмене-планеристе 3 разряда нигде ни строчки не появилось. Только в местной прессе в дни авиации, в после праздничных отчетах появлялись фотографии мальчика, обвязанного парашютными ремнями. В ночь выпускного вечера два самых любимых учителя признались Элли: свои оценки «удовлетворительно» в «Аттестат зрелости» они поставили в надежде, что он их все таки не подведет. А Элли, не доиграв первую свадьбу — выпускной вечер — ушел на полеты с первыми лучами солнца.

Лето, первое послешкольное, прошло в полетах и прыжках.

К этому времени Элли твердо знал, что ему никогда не стать ни летчиком, ни парашютистом. Ибо две последние медицинские комиссии он проходил по всем кабинетам, кроме окулиста. Окулист еще год назад поставил окончательный диагноз: прогрессирующая необратимая близорукость.

Итак, возвращаемся к первому увлечению...

Поездка в Москву с целью поступления в «Строгановку» (Высшее художественно-промышленное училище, бывшее Строгановское) кончилось в 3 дня: нет законченного среднего специального образования (то есть, в объеме художественного училища), нет Московской прописки (такие были времена!). Вернувшись в Чебоксары, Элли сказал: «Уф!» и стал ждать, когда же его заберут в армию. Незаметно прошли август и сентябрь, заполненные прыжками и полетами. Правда, одно августовское событие стоит упомянуть: в соревнованиях по планерному спорту Юрьев занял второе место

после многоопытного летчика-инструктора и на этом поставил точку на своей летней карьере. Он знал, что сможет полетать и попрыгать только сжудльничав... Сжудльничал через три года, уже будучи студентом Академии художеств, и довел число своих прыжков до 131-го.

Отстучали колеса вагонные по Поволжью, по Заволжью, по Закавказью и прибыли в город Тбилиси. Призванный осенью 1955 года, Юрьев Э. М. ополоснул себя еще раз, обтерся и натянул на себя хрустящее ХБ и стал солдатом Советской Армии. Шел ноябрь 1955 года, и Элли с удивлением думал, как ему повезло, что он оказался в краю «Мцыри», на родине Руставели, Чавчавадзе и Табидзе. Город очаровывал красотой и теплом, большим отличием от Чебоксар. Не знал Элли, что ему посчастливится прожить в этом «Париже» целых 9 лет: 3 года армейской службы и 6 лет учебы в Академии художеств.

Итак, прислужив безупречно три года, пробыв три года слушателем студии военных художников при Тбилиском окружном доме офицеров (тут есть о ком рассказать, кто благоверно решал проблемы, но мы упомянем лишь имена И. Довыденко — командира части, А. Льва — замполита части, П. Курлова — начальника клуба, Т. Аршба — командира роты, которые поощряли, направляли и создавали условия для посещения студии военных художников) и потерпев неудачу в своевременной посылке документов в Московский художественный институт, подал их в Тбилискую государственную академию художеств.

Это же интересно: «Согласно Постановлению СМ СССР, лицо, успешно сдавшее экзамены в ВУЗ зачисляется студентом». С Юрьевым отличником боевой и политической подготовки, имеющим к тому же льготы как демобилизованный из рядов СА этого не произошло... Не прошел Юрьев в

академики» потому, что не сдал экзамен по грузинскому языку (кстати, он условиях приема и не числился).

Заступились за Э. М. Юрьева Министр культуры СССР Е. А. Фурцева, Секретарь ЦК Компартии Грузии И. Кованов. И с 1 декабря 1958 года, спустя 2 месяца с начала учебного года, Юрьев стал студентом Тбилисской Академии художеств.

Самым примечательным из академических лет было общение с Василием Духаевым, выпускником Императорской Академии художеств, ее заграничным стипендиатом, затем придворным художником короля Эфиопии, другом Владимира Маяковского, Максима Горького, просидевшего с 1937 по 1949 год в Магадане; Сергеем Кобуадзе — член корреспондентом Академии художеств СССР, народным художником Грузии, дважды лауреатом Сталинской премии, замечательным живописцем; Учой Джапаридзе — народным художником СССР, неоднократно лауреатом Сталинских премий, академиком Академии художеств СССР — руководителем дипломной работы Э. Юрьева.

Грузия была для Юрьева школой интернационализма, познания других культур, других мировоззрений.

Все кончилось через шесть лет в июне 1964 года, после успешной защиты дипломного холста. Юрьев получил синенький диплом и наконец-то укатил на Родину, в Чувашию.

* * *

Юрьев укатил в Чувашию, хотя мог бы укатить в любой край Советского Союза. Юрьева позвали быть художественным редактором Чувашского книжного издательства.

Начало трудовой деятельности было радостным. Коллектив был знакомым со времени учебы в Академии Эли, приезжая на каникулы в родные Чебоксары, по два-три месяца работал художественным редактором, замещая уходившего в отпуск коллегу, постигая новую для себя профессию — поли-

графиста, осваивая азы книгоиздательского дела). Особенно радостно было чувствовать поддержку, дружелюбие Михаила Алексеевича Ильина, старшего художественного редактора. М. А. Ильин молодого коллегу, энергичного, трудолюбивого, пытливого, воспринял с большими надеждами и помог войти в круг обязанностей в кратчайшие сроки. Событием в жизни издательства стало участие многих его изделий, книг на всевозможных выставках и конкурсах искусства книги, чего раньше здесь не было. В издательстве «сколачивался» плодотворный отряд оформителей из молодых художников, недавно окончивших московские, ленинградские, харьковский художественные вузы. Радостными были регулярные художественные Советы издательства, хотя там порою раздавались слова самой нелицеприятной критики: закладывались основы современного состояния искусства чувашской книги. Обычно художественные Советы заканчивались традиционной пирушкой в соседнем ресторане.

Еще будучи студентом Академии Э. Юрьев разработал первые варианты герба столицы Чувашии — города Чебоксары (к сожалению, не сохранились — сгорели вместе с родительским домом). Показал их Федоту Орлову, Герою Советского Союза, известному летчику, с которым дружил. Федот Никитич донес идею занять новый современный герб г. Чебоксары до руководителей республики и города и вот, когда стали думать, как же будут праздновать 550-летие Чебоксар, эта идея привела к решению провести конкурс на лучший эскиз герба. К конкурсу были допущены все желающие без ограничения, и участниками оказались 72 человека: и художники, и не художники. Число поступивших проектов перевалило за три сотни. Получилась большая выставка, и множество горожан с интересом обсуждали не только проекты, но и саму идею. Юрьев представивший три варианта, получил вторую премию (первая не была присуждена никому) и договор на продолжение работы над проектом герба.

В один из дней лета 1969 года художественный Совет города из четырнадцати эскизов (вместо четырех по договору) выбрал один. Через несколько дней сессия городского Совета депутатов трудящихся почти единогласно согласилась с решением (выбором) художественного Совета. В дни празднования 550-летия Чебоксар на его улицах появились плакаты с изображением герба города, ныне известного всем горожанам. Уже много позже, когда образовалось Всесоюзное геральдическое общество, его специалисты-геральдисты, взвесив все достоинства городских гербов, созданных в Советском Союзе, за грамотность и эстетические достоинства герб города Чебоксары поставили на пятое место среди двухсот других.

Все течет и все меняется. В сентябре 1969 года Юрьева, члена Союза художников СССР и члена КПСС, пригласили в горком партии и посоветовали подумать о перемене места службы. В конце месяца он стал ходить в другие «служебные двери». Несколько месяцев привыкал к другой субординации, учился ходить на ежедневные планерки, на заседания исполкома горсовета, где главному художнику города надлежало быть обязательно.

Началась трудовая деятельность в две смены: днем — административная деятельность главного художника города — эскизы городских стендов, проекты оформления улиц, магистралей и площадей, магазинов и их витрин, вывесок и лозунгов, газосветных установок, праздничного оформления и оформления будничного; вечером, на кухне (о мастерской мечталось каждый день...) — работа над иллюстрациями к книгам и оформлением книг, станковых графических листов. По выходным — с женой и дочерью Эленой, которой уже пошел четвертый год, в лес, в поле. Изредка на этюды (так говорят художники, когда вооружившись красками и кистями, отправляются рисовать живую природу).

Руководство не запрещало работать по совместительству в художествен-

ном училище, где учащиеся познавали искусство шрифта из уст Юрьева. Рассказывая будущим художникам, из чего складывается красота букв, шрифта, орнамента (сам уже «поднаторел» в этом деле, выполнив не один десяток шрифтовых композиций, оформив тоже не один десяток книг), молодой преподаватель обнаружил, что сам этой наукой владеет едва-едва. В академии искусства шрифта не преподавалось. Литературы, раскрывающей тайны этого искусства, было мало. Но, кто ищет, тот найдет: сегодня в библиотеке мастера, находящейся в его мастерской, есть полка, на которой разместились десятки томов, посвященных искусству шрифта.

Началось новое увлечение — искусством шрифта. Уже в 70-х годах одна из кафедр художественно-графического факультета Чувашского государственного педагогического института им. И. Я. Яковлева пригласила Юрьева, теперь известного и так мастера, владеющего искусством шрифта (к тому времени он — участник международного конкурса стран СЭВ по созданию новых наборных шрифтов), читать лекции студентам. Согласился быть почасовиком. Два года студенты института слушали живые, сопровождаемые иллюстрациями к сказанному, лекции преподавателя-художника.

Подходило сорокалетие художника. Члену Союза художников СССР (с 1967 года) по традиции предстояло отчитаться перед общественностью и руководством республики персональной выставкой произведений. Хотя и не так велик был творческий стаж — всего 12 лет — работ накопилось много: экспозиция заняла весь второй этаж и часть первого Чувашской государственной художественной галереи, которая находилась на улице Розы Люксембург (ныне не существует). Художнику запомнились с той выставки несколько вещей: открытие выставки (май 1976 г.) — много народа; взволнованный от этого зрелища отец — даже глаза увлажнились; восторженные зрители (в том числе коллеги-художники)

за месяц работы выставки заполнили довольно пухлую «Книгу отзывов» словами благодарности (среди отзывов, в иных случаях с десятками подписей, особенно дороги мамы: «Спасибо, сын, что не ленишься. Порадовал мое сердце на старости лет. Спасибо. Мама.»), больших поэтов, артистов, композиторов, гостей города со всей страны, посетили выставку школьные учителя и одноклассники и оставили свои записи. Одна из них: «Выставка изумительна, работы разнообразны, полны романтики, поэзии, пафоса, любви к человеку и природе. Выставка показывает, что Элли Михайлович Юрьев является одним из талантливейших людей республики. А. С. Никитин. 06.06.1976 г.». Это — запись одноклассника. (Тогда они еще не знали, что в жизни им еще не раз придется посидеть за одной партией: академики Инженерно-технологической академии Чувашской Республики А. С. Никитин и Э. М. Юрьев теперь встречаются не на уроках, а на заседаниях академии). И последнее, что запомнилось с той выставки и с того года: это, первое, — посещение выставки бюро обкома КПСС всем составом (была такая хорошая традиция у руководства республики!). Впечатление у руководителей республики от творчества художника осталось такое хорошее (мы то думали, что он только городской чиновник), что удовлетворили его просьбу: разрешили руководству города отпустить Юрьева в творческий отпуск сроком на один год. Ну, и, второе — открытие гагаринского моста, самого сложного, но и самого красивого, перила и решетки которого были выполнены по расчетам, эскизам и моделям Элли Юрьева.

А осенью вышел Указ Президиума Верховного Совета Чувашской АССР о присвоении почетного звания «Заслуженный художник Чувашской АССР» Юрьеву Элли Михайловичу — члену Союза художников СССР.

Осень 1976 года Юрьев встретил в должности старшего преподавателя Чувашгоспединститута. Едва дождавшись конца учебного года, весенних

сессий, летом 1977 года подал заявление об уходе из института. Ректор института пришел в недоумение: «Элли Михайлович, не хочется вас отпустить. Хорошо о Вас коллеги и студенты отзываются. Да и «старшего преподавателя» мы даем только через 10 лет». А. Юрьеву не хотелось тратить драгоценное время на недобросовестных студентов (был случай — один студент, чтобы получить зачет, пришел, прихватив огромную сумку, битком набитую свежей стерлядью), да и расписание лекций связывало по рукам и ногам.

Осень 1977 года. Страна отмечает очередной юбилей Великого Октября высокими достижениями, рапортами — выставками. Посчитали, что эту огромную, кропотливую и срочную работу нужно поручить уже многоопытному Юрьеву. Маштаб работы был иной, но энергии было достаточно, хватало сил работать сутками. Большой коллектив художников-оформителей справился с работой в срок. А о художнике Юрьеве осталось впечатление, что он хороший организатор, специалист по организации крупных выставок. Оформив еще две-три выставки, Юрьев почувствовал, что это его затягивает, отрывает от искусства книги, от любимых орнаментов, от прикладной графики (нового интереса в своем уже многосложном творчестве). Заказ Президиума Верховного Совета разработать эскизы нагрудных знаков к Почетным званиям республики заставил окунуться с головой еще в одно интересное дело — металлопластику. Тут своя специфика, своя технология. Пришлось обложиться специальной литературой, выуживать знания из десятков источников, а мастерство вырабатывать кропотливым трудом. А затем последовали модели.

Живопись отодвигалась на второй план. Картины и этюды писались тогда, когда от сидения за столом начинало ломить спину, или когда друг Н. П. Карачарсков чуть ли не насильно выволакивал на этюды в поля, колхозы. Да и как не станет ломить спину, когда по несколько часов корпиться над новым

орнаментальным модулем, необычным сетчатым или линейным орнаментом для новой книги. О компьютерах и их необычных возможностях тогда появились только первые слухи, а их не было даже в Москве. Никто не владел их технологией и то, что они могли, Юрьев делал глазами и руками, и это было не только необычно, но и неповторимо. Недавно Юрьеву показали возможности компьютера «Макинтош». Долго сидел в молчании, думая «на что я потратил жизнь?..», а потом спросил: «Это все изумительно и удивительно, но а вот это он может?» «Что?» — спросил оператор. Успокоился Юрьев, услышав, что компьютер может сделать все-все, а пока не может сделать только-только самой малости — не может выдумать. Такова специфика творческих людей — инженеров, математиков, художников, композиторов и др. — видеть то, чего еще не существует; слышать то, чего никто не еще слышит. А если всего этого нет, они его выдумывают. Есть хрестоматийный пример: белый лист бумаги совсем не дорог (по прежним ценам лист лучшей бумаги для рисования стоил 25 копеек). Иные листы после прикосновения к нему руки художника, когда на нем появлялся рисунок, ПРОИЗВЕДЕНИЕ, стоили 600—1000 рублей (в доперестроечных ценах). Бумага (чистый лист) превращается в национальное достояние, богатство народа. Целый год терпеливо ждало руководство Чувашского телевидения, когда Юрьев приступит к работе художника-постановщика Чебоксарской студии телевидения. Место пустовало в ожидании мастера. Почти два года увлеченно (и опять в две смены) ставил телевизионные передачи. Послышались одобрительные отзывы: передачи стали интереснее. Наверное поэтому, проработав только год, Юрьев Э. М. удостоился приказа Москвы (гостелерадио СССР), о присвоении ему первой категории. Было интересно, но работа по-прежнему в две смены (днем — студия; вечером, ночью — книга; живопись от случая к случаю)... Съездил туристом во Вьетнам, влюблен в эту страну до сих

пор (когда спрашивают, куда бы еще поехал, отвечает: «С удовольствием побывал бы в штормовом Бискайском заливе, в Марокко, на островах Канарских, посетил бы снова Финляндию, Швецию, Данию, Францию, Сенегал, Алжир (пролетал), Италию (проехал от Рима до Милана), Болгарию, Румынию (проезжал поездом), Пакистан (пролетал дважды), Индию (пролетал, бродил по магазинам в международном аэропорту в Бомбее), Вьетнам!.. Я ведь отдыхал в Ханое, писал этюды в Ха-Лонге и в древней столице Гьюи, в Хо-Ши-Мине (Сайгоне) жил через улицу от президентского дворца. Там купался в океанских водах. Да, в океане я купался дважды: один раз — в Тихом, а раньше — в Атлантическом». Грустно было расставаться с телевидением. Вспоминались циклы детских передач «Порисуем вместе» — четыре года подряд два раза в месяц выходил в прямой эфир и показывал детям, как надо рисовать. Письма, полученные от самых маленьких до десятиклассников, хранятся на антресолях мастерской как символ их признательности ведущему передач Юрьеву; «В мире прекрасного» — уже появилась записывающая телевизионная техника, одна передача была даже записана в аэропорту. Сын Юра — уже первоклассник — вместе с папой изучал устройство настоящего ТУ-134 и получил задание нарисовать его дома по памяти.

Но книги так и остались самой большой любовью.

Приглашение возглавить художников чувашской книги принял безоговорочно. Тем более, коллектив топтался на месте, утратил чувство красоты. Уже в 1983 году через год после того, как Юрьев вернулся в Чувашкиноиздат, одна из книг издательства была представлена на Всероссийский конкурс искусства книги. Вернулась дипломированной. Не сразу, но изменились принципы, концепции оформления чувашской книги. Гордится Юрьев книгами «Слово о полку Игореве», «Маленькие трагедии» Пушкина, «Первопроходцы космоса. Андриян Николаев», «Палитра поэзии».

«Времена любви» Хузангая, альбомом «Слово о Чувашии», «Память», оформленными самим в 1983—1988 годах. Предмет особой гордости «Нарспи» — К. Иванова, которую иные знатоки покупали по несколько десятков и рассылали по стране в качестве дорогого подарка — так необычно была оформлена и проиллюстрирована эта книга.

Приближался 1986 год. 50-летнего Юрьева ждала правительственная награда — Почетная грамота Президиума Верховного Совета Чувашской АССР. Отчитываясь перед чувашским народом и его правительством, художник начал готовиться к следующей персональной выставке произведений. Полученная год назад (наконец-то!) мастерская была завалена произведениями, созданными за предыдущее десятилетие. Друзья художника, не вылезая из мастерской, несколько месяцев готовили работы к выставке. При стечении большого числа зрителей, корреспондентов радио, телевидения, газет (тем более, что было известно представление художника на соискание Государственной премии им. К. В. Иванова) выставка открылась в залах Государственного художественного музея Чувашии, занимая почти (кроме центрального зала) все просторные залы второго этажа. Второй том «Книги отзывов» опять заполнился благожелательными отзывами.

Подходил конец работы выставки. «На днях картины, рисунки снимут со стен. Опять их отвезу в мастерскую и еще долго их никто не увидит...» — размышляла Юрьев... А потом пришла мысль: — «Поступлю-ка я, как поступил мой дорогой учитель Уча Малакиевич Джапаридзе: всю экспозицию последней персональной выставки он подарил грузинскому народу». Обратился Юрьев с письмом к руководителем республики с предложением принять от имени чувашского народа 250 произведений живописи и графики. Передача состоялась в торжественной обстановке, но под осуждающие взгляды коллег (на что ты нас обрекаешь), родственников (детей своих обделяешь...). Только Галина Алексеевна, супруга,

одобрила поступок художника.

Не один день бродя по выставке, всматриваясь в собственные произведения, созданные в разные годы и в разных жанрах, видя все их достоинства и недостатки, Юрьев решил, что категорически надо переходить на творческую работу. Однако, совсем свободным от службы стал только через два года, проработав еще художественным редактором журнала «Ялав». 70-летний юбилей Чувашской АССР был на носу, правительство заказало юбилейную памятную медаль. Этим делом Юрьев еще не занимался глубоко. Но был опыт изготовления модели памятной медали, посвященной 425-летию добровольного вхождения Чувашии в Россию (1976 г.). Тогда он за восемь дней непрерывного сидения в ленинградской гостинице «Астория» вылепил реверс медали и сдал на Ленинградский завод «Монетный двор». Эта работа научила его многому.

Взявшись за медаль к 70-летию Чувашской АССР, модель начал изготавливать в другой технике. Композиция включала множество деталей (хотя бы в изображении орденов), требовавших ювелирной и точной работы. Эти модели аверса и реверса отняли несколько месяцев самой кропотливой работы. Учиться было не у кого. В республике нет таких специалистов. Учил сам себя, делая и переделывая вариант за вариантом. На подоконнике в мастерской громоздятся гипсовые слепки и формы мертвым уже грузом. «Почему не выбрасываю? Жалко — раз. Это мое здоровье, это — символы и свидетельства моего долготерпения, это — моя школа». Эксперты Московского «Монетного двора» после придирчивого изучения Юрьевских материалов не сделали ни одного замечания. Зарядно дали консультации по изготовлению моделей для выпуска юбилейных и памятных монет.

Еще несколько месяцев каторжной работы над моделью реверса монеты, посвященной 100-летию поэта К. Иванова. Начальника отдела орденов и монет «Гознака» удивляло, откуда это, с периферии, явился мастер, владеющий

мастерством, которым владеет считанное число специалистов во всей стране, и то, которые учатся своему ремеслу с младых ногтей.

Медаль и монета увидели свет почти одновременно и тут же стали редкостью. Их обладатели не расстаются с ними даже за большие деньги. Больше того, они стали новым явлением в чувашской культуре, в ее изобретательном искусстве. Невольно думается, кто после Юрьева продолжит эту работу.

Все течет, все меняется. Начало 90-х годов у всех в памяти. Нет нужды перечислять все события того времени. Чувашская АССР ненадолго превратилась в Чувашскую ССР, а затем в Чувашскую Республику. Изменился политический строй Чувашии. Чувашский народ осознал себя иным, чем ранее, народом. А в связи с этим пришла необходимость сменить и Государственную символику. Объявили конкурс на Государственные Герб, Флаг и Гимн Республики. Первые попытки создать новые герб и флаг Юрьев предпринял в 70-х годах, но тогда его предупредили: «Не заикайся!» А теперь он не мог стоять в стороне. Но идеи уже были иные.

В конкурсе участвовало 30 человек. Просмотрели, подвели итоги, присудили премии. Первая премия досталась депутату Верховного Совета Республики, скульптору. Вторая — его другу, третья — другу друга. Юрьеву — поощрительная. Жюри посчитало, что неудобно самому грамотному и выразительному не дать хотя бы поощрительную премию и тем самым совершило ошибку. Ни один проект не был принят за основу и конкурс переходил во второй тур. На второй тур три участника доставили огромные, тщательно выполненные макеты проектов. (Юрьев пришел без ничего, поскольку не был предупрежден, о заседании жюри узнал случайно). Но заседание не состоялось. После замечания Юрьева, что второй тур нужно проводить с максимально уменьшенными изображениями проектов, поскольку только в этом случае можно точно определить

их достоинства, на следующие смотрины пришли три конкурента. Состоялись еще восемь различных комиссий, жюри разных составов, пока Верховный Совет на очередной сессии рассмотрел работы трех оставшихся авторов. Голосование депутатов показало, что их большинство предпочло в качестве автора Государственных символов Чувашской Республики художника Юрьева Э. М. В результате еще двух напряженных месяцев работы родились варианты Герба и Флага (очень далекие от конкурсных проектов), утвержденные сессией Верховного Совета Чувашской Республики 29 апреля 1992 года.

8 мая 1992 года над фасадом Дома Советов в Чебоксарах на флаштоке заполоскался первый экземпляр нового Государственного Флага Чувашской Республики. Стоя в небольшой толпе журналистов и телевизионщиков, чиновников и зевак и наблюдая, как медленно расправляется на ветру полотнище флага, Юрьев мысленно дал ему девиз: «На благо народа, ради его свободы!»

С тех пор Юрьев выполнил еще много интересных работ. Большинство из них связано с измененными государственными символами: так, к инаугурации Первого Президента Чувашской Республики в считанные дни пришлось издать Конституцию Республики. Круглосуточная работа Юрьева и полиграфистов республики позволили в невиданные сроки издать уникальное изделие в 10(!) экземплярах. Почти два года ушло на разработку эскизов и оригиналов новых образцов высшей награды Республики — «Почетной грамоты», «Дипломов Лауреатов Государственной Премии Чувашской Республики», моделей новых нагрудных знаков почетных званий и лауреатов Госпремии.

1989 год в жизни Э. М. Юрьева был отмечен присуждением ему Государственной премии Чувашской АССР им. К. В. Иванова за оформление серии антологий «Поэты Франции», «Поэты Венгрии», «Поэты Польши» (совместно с поэтом Г. Айхи).

1993 год завершился присуждени-
ем ему почетного звания «Народный
художник Чувашской Республики».

И отдельным днем стоит 28 декабря
1995 года, когда было оглашено:
«Избрать действительным членом Ин-
женерно-технологической академии по
секции эргономики и дизайна худож-
ника Юрьева Э. М.».

В его визитной карточке стоит еще

одна строка: «Член-корреспондент
ВГО» (Всероссийское геральдическое
общество).

Художник еще полон сил, и мы
вправе ждать его новых свершений.

ИЛЛАРИОНОВ И. Е.
Президент
инженерно-технологической
академии Чувашской Республики

С. Туруфанов
1993 г.
1992 г.
1991 г.
1990 г.
1989 г.
1988 г.
1987 г.
1986 г.
1985 г.
1984 г.
1983 г.
1982 г.
1981 г.
1980 г.
1979 г.
1978 г.
1977 г.
1976 г.
1975 г.
1974 г.
1973 г.
1972 г.
1971 г.
1970 г.
1969 г.
1968 г.
1967 г.
1966 г.
1965 г.
1964 г.
1963 г.
1962 г.
1961 г.
1960 г.
1959 г.
1958 г.
1957 г.
1956 г.
1955 г.
1954 г.
1953 г.
1952 г.
1951 г.
1950 г.
1949 г.
1948 г.
1947 г.
1946 г.
1945 г.
1944 г.
1943 г.
1942 г.
1941 г.
1940 г.
1939 г.
1938 г.
1937 г.
1936 г.
1935 г.
1934 г.
1933 г.
1932 г.
1931 г.
1930 г.
1929 г.
1928 г.
1927 г.
1926 г.
1925 г.
1924 г.
1923 г.
1922 г.
1921 г.
1920 г.
1919 г.
1918 г.
1917 г.
1916 г.
1915 г.
1914 г.
1913 г.
1912 г.
1911 г.
1910 г.
1909 г.
1908 г.
1907 г.
1906 г.
1905 г.
1904 г.
1903 г.
1902 г.
1901 г.
1900 г.
1899 г.
1898 г.
1897 г.
1896 г.
1895 г.
1894 г.
1893 г.
1892 г.
1891 г.

1993 г.
1992 г.
1991 г.
1990 г.
1989 г.
1988 г.
1987 г.
1986 г.
1985 г.
1984 г.
1983 г.
1982 г.
1981 г.
1980 г.
1979 г.
1978 г.
1977 г.
1976 г.
1975 г.
1974 г.
1973 г.
1972 г.
1971 г.
1970 г.
1969 г.
1968 г.
1967 г.
1966 г.
1965 г.
1964 г.
1963 г.
1962 г.
1961 г.
1960 г.
1959 г.
1958 г.
1957 г.
1956 г.
1955 г.
1954 г.
1953 г.
1952 г.
1951 г.
1950 г.
1949 г.
1948 г.
1947 г.
1946 г.
1945 г.
1944 г.
1943 г.
1942 г.
1941 г.
1940 г.
1939 г.
1938 г.
1937 г.
1936 г.
1935 г.
1934 г.
1933 г.
1932 г.
1931 г.
1930 г.
1929 г.
1928 г.
1927 г.
1926 г.
1925 г.
1924 г.
1923 г.
1922 г.
1921 г.
1920 г.
1919 г.
1918 г.
1917 г.
1916 г.
1915 г.
1914 г.
1913 г.
1912 г.
1911 г.
1910 г.
1909 г.
1908 г.
1907 г.
1906 г.
1905 г.
1904 г.
1903 г.
1902 г.
1901 г.
1900 г.
1899 г.
1898 г.
1897 г.
1896 г.
1895 г.
1894 г.
1893 г.
1892 г.
1891 г.